

Он сел на свою очень больную попу. Он пожелал, чтобы толстый комок, Дадли, поскорее приучился к горшку. Он, конечно, не мог ничему научиться раньше ее драгоценного Дадли, так что он застрял в вонючем, промокшем подгузнике, который она меняла только два раза в день, один раз утром и один раз вечером. Он, конечно, прекрасно знал, как пользоваться туалетом, в конце концов, это было не так уж сложно, но у него никогда не было такой возможности, когда в доме постоянно находились его тетя и кузина.

Он вытеснил из сознания боль от трещин и кровоточащих опрелостей и сосредоточился на проблеме поиска тетей его книг. Он не хотел класть их обратно во вторую спальню Дадли, слишком сложно было пробираться по лестнице, а потом спускаться что-то обратно, а ему очень нравились журналы, которые у него были, особенно кулинарные. Он на мгновение задумался и спросил себя, каково это - попробовать что-то кроме тостов, сельдерея и воды. Иногда ему попадались очень коричневые бананы, а иногда старый сыр и мясо, но все это не имело того вкуса, который он представлял себе на картинках с едой.

И если он не хотел избавляться от своих книг, то как он мог сделать так, чтобы тетя их не нашла? В маленьком шкафу негде было что-либо спрятать, у него было две маленькие полки, на которых хранилась старая одежда Дадли, и его маленькая грязная кроватка с одеялом, на одном углу которого были вышиты инициалы НДР. Куда он мог их спрятать, чтобы тетя их не увидела? Подождите, ему не нужно было их прятать, он просто должен был убедиться, что она их не увидит. В конце концов, она никогда не заходила в буфет; она просто заглядывала туда из коридора. Он положил на колени небольшую книгу и изо всех сил сосредоточился на том, чтобы сделать ее невидимой.

На это ушла большая часть недели, но теперь он смог сделать невидимыми все свои книги и журналы. Он счастливо улыбнулся сам себе, гордясь тем, что у него есть что-то свое, что его двоюродный брат не может у него украсть. Он сделал невидимыми и трех пластмассовых солдатиков, которых он достал из мусорного ведра после того, как тетя выбросила их. Он оглядел маленькое пространство, его рука светилась, чтобы он мог видеть, и был доволен.

Тетя позвала его, как обычно, после того как дядя ушел на работу, и велела ему съесть свой кусок тоста и половину банана, который Дадли не доел. Затем ему было велено опустошить все мусорные ведра в доме. Он доел и поднялся вверх, чтобы начать со спальни Дадли - там всегда было грязнее всего, поэтому он любил выносить все первым.

Но сегодня Дадли не играл в доме своего друга Пирса, как он думал. Дадли ждал в ванной наверху, когда он пройдет мимо, неся полное мусорное ведро. Дадли выставил ногу на верхней ступеньке лестницы, а потом для убедительности уперся толстой рукой в середину спины кузена и сильно толкнул его.

Он упал, кувыркаясь через полные и острые края квадратного мусорного бака, больно ударившись головой о стены и ступеньки, и зацепившись правой рукой за перила, прежде чем она высвободилась с резким треском ломающейся кости. Он остановился внизу лестницы, разбив очень большой керамический горшок, в котором раньше стояло маленькое декоративное деревце. Теперь он был покрыт острыми осколками стекла, сотнями порезов с острыми краями, впившимися в его кровоточащую плоть, и кучей грязи с треснувшим и раздробленным деревом на вершине. Он знал, что его правая рука сломана, но не был уверен ни в чем другом. Он знал, что у него все болит, и боль будет только усиливаться, когда дядя вернется домой после работы.

На шум из кухни вышла Петуния и начала кричать: "Смотри, что ты наделал, мерзкий мальчишка! Как ты смеешь портить мою собственность после того, как мы тебя приютили, урод! У меня нет времени тратить время на твою уборку; мой бридж-клуб будет здесь через час". Она схватила его за не сломанную левую руку и буквально швырнула в шкаф. Дадли истерически смеялся над тем, что ему удалось сделать с этим тупым уродцем.

Петуния остановилась рядом с дверью его шкафа, когда проходила мимо с метлой и совком: "Ты только подожди, пока твой дядя вернется домой, урод! Он научит тебя уничтожать мое любимое дерево, ты, никчемное пустое место. Жаль, что ты не умер вместе со своими никчемными родителями, они тоже были уродами!". Она подчеркнуто стукнула ручкой метлы по двери и пошла убирать беспорядок.

Все вокруг стало черным, когда он ударился головой о стену после того, как тетя бросила его в шкаф, но теперь ему хотелось бы вернуться в черноту. По крайней мере, было не больно. Он знал, что когда дядя вернется домой, его хорошенько побьют и снова запрут в доме. Он праздно размышлял о том, как долго на этот раз обойдется без еды, хотя на самом деле он не хотел есть. Его голова кружилась, и он чувствовал, что ему сейчас станет плохо.

Он плотно укутался в свое любимое одеяло и начал раскачиваться взад-вперед: "Как бы я хотел, чтобы у меня был кто-то, кто заботился бы обо мне... как бы я хотел оказаться в безопасном месте... где бы мой дядя никогда не смог меня найти... кто бы мог сделать так, чтобы моя рука и голова перестали болеть... где бы я всегда был в безопасности..."

Никто не увидел белой вспышки, когда маленький мальчик исчез из дома № 4 по Прайвет Драйв сквозь скрывающие чары, наложенные на крошечный шкаф. И никто не услышал треск, который он издал, исчезая вокруг заклинания молчания, которое он неосознанно наложил. И поскольку он ушел добровольно, никто не поднял тревогу, никто не знал, что мальчик ушел.

Северус Снейп только что произнес заклинание "evanesco" на котел, в котором он варил свою последнюю кашу. Он не был уверен, что это могло сделать, но это точно ничего не сделало бы для оборотня, разве что, возможно, сделало бы его шерсть розовой.

Он повернулся и выронил оловянную палочку для размешивания, которую держал в руке, от громкого треска и вспышки белого света, на долю секунды вспыхнувшего позади него. Это не было похоже на шум домового эльфа, и никто другой не смог бы аппарировать в Хогвартс или выгнать из него.

Он упал на одно колено перед истекающим кровью и сильно избитым ребенком, появившимся в его лаборатории. Бедный ребенок держал в руках очень грязное одеяльце, которое выглядело так, будто когда-то было голубым, а теперь стало грязно-серым и коричневым. От ребенка воняло так, словно его не переодевали несколько дней и не купали несколько месяцев. Северус с первого взгляда определил, что правая рука и, возможно, левая нога сломаны, а из сотен мелких порезов малыша текла кровь, многие из которых были покрыты мелкими острыми осколками стекла, видимыми в мерцающем свете факела.

Он протянул руку, и ребенок вздрогнул; на его лице появилось настороженное выражение страха. "Я не причиню тебе вреда, я просто хочу помочь тебе. Мне нужно поднять тебя, чтобы помочь тебе. Я постараюсь не причинить тебе вреда, но я должен перенести тебя отсюда". Он

говорил мягко и успокаивающе, осторожно и медленно приближаясь к испуганному ребенку. По росту ребенка он догадался, что малышу около двух лет, возможно, месяц или два, но не больше. А у него не было абсолютно никакого опыта общения с детьми младше одиннадцати лет. Я один в замке; здесь никого не будет еще три недели, кроме Хагрида, а он ничем не поможет. Что ж, ничего другого я сделать не могу, придется заботиться о нем самому".

Он продолжал мягко и спокойно разговаривать с ребенком, продвигаясь вперед, ожидая, когда паника и страх покинут лицо малыша. Наконец он протянул руку и осторожно коснулся одного плеча. Ребенок непроизвольно вздрогнул, но остался спокойным и позволил продолжить контакт. "Это хорошо, дитя, ну, я даже не знаю, мальчик ты или девочка, я полагаю, ты еще не очень много говоришь. Ты ведь не можешь рассказать мне, как ты оказался так ранен, или даже как тебя зовут, не так ли, дитя?"

<http://tl.rulate.ru/book/91994/2961916>